

Джон У. Мансон

Воспоминания партизана «Команды Мосби»

Моей жене, которая в течение тридцати лет была моим самым терпеливым и благодарным слушателем этих историй о партизанах Мосби, с нежностью посвящаю.

Пролог

У каждого, кто был в Команде Мосби, имелось достаточно материала, на основе которого он мог бы написать интересную книгу о своем пребывании в его отряде. Некоторые из них доверили какую-то часть своих воспоминаний какому-нибудь писателю, который бессовестно выдавал их за свои собственные, практически так же, как и воспоминания янки. Тем не менее, он уверен, что вправе использовать любые сведения, ибо в выживших, сегодня живет тот же дух, который они обрели в те дни, когда они стояли вместе, объединившись во имя общего дела в те дни. Тогда повсеместно действовала древняя мудрость шотландского клана:

«For why? Because the good old rule
Sufficeth them; the simple plan,
That they should take who have the power,
And they should keep who can.»

«А почему? Закон простой
Они хранят с былых времен:
Пусть тот берет, кто всех сильнее,
И пусть владеет он».¹

Если бы мертвые могли заговорить, а их сжатые кулаки разжаться, эти страницы без сомнения пополнились бы самыми невероятными и забытыми ныне историями, но благородные души погибших уже давно рассказали эти истории Высшему Критику, и я полагаю, встретили его величайшее одобрение. Однако не все из них так и останутся неизвестными, поскольку в этой летописи будут опубликованы несколько случаев из истории отряда Мосби, рассказывающие о его необычайной храбрости и доблести.

В дальнейшем люди Мосби иногда будут называться партизанами, и их враги — янки, то есть теми же словами, которые использовались во время

¹ Уильям Вордсворт. Могила Роб Роя. Перевод Б. Томашевского. — Прим. перев.

войны. В период с 1863 по 1865 годы люди Мосби прославили слово «партизан», и ни один здравомыслящий южанин не может отрицать, что армия Союза сделала так, что весь мир уважает слово «янки».

Вполне можно понять, почему некоторые из моих старых товарищей столь болезненно реагируют на слово «партизан» и настроены против его употребления, но им не стоит ни испытывать чувства обиды, ни страха быть униженными — их подвиги и слава останутся на долгие века. Те, кто воевал с ними, знают, что это за люди, и, в конце концов, история строится на фактах. Достаточно упомянуть о том, что их старый командир никогда не возражал против использования слова «партизан», потому что он когда-то писал автору с просьбой написать ему статью для «New York Herald», которая намеревалась заключить договор с его старым слугой — негром Аароном, и назвать ее — «Нестор партизан Мосби».

Для человека Мосби было бы странно, если бы среди своих друзей он называл врагов федералами, или войсками Соединенных Штатов или даже солдатами Союза. В те старые времена он знал их как «янки» — ими они остались для него и до сегодняшнего дня, и более того, это были достойные его янки, но ему просто не повезло, что среди них оказалось столько трусов.

Насколько это возможно, я в хронологическом порядке постараюсь описывать все события, которые составили историю нашей службы. То, что я сумел вспомнить, или то, что мне рассказали мои товарищи, я записал как можно ближе к их исторической последовательности, и если не все события по чистой случайности стоят точно на своих местах, общая верность рассказа, тем не менее, была сохранена.

Сомнений в исторической достоверности представленных в этой книге фактов нет. Автор сам желает быть точным и справедливым во всех своих утверждениях, ведь правда о команде Мосби намного интереснее вымысла. Когда-нибудь будет написана полная история его отряда и ее автор станет единственным человеком, способным дать ей должную оценку, единственным, кто все видел и помнит, каким был сам Джон С. Мосби. Цель автора — написать интересные воспоминания об отряде Мосби, в которых бы отобразилась та смесь патриотизма и романтики, которая охватывала этих людей в те времена, их действия и поступки, но не только для живущих, но и для потомков, то, что заставит новое молодое поколение мужчин, которым нравятся книги о войне, тоже захотеть жить в то волнительное время и быть частью такой смелой и веселой команды, то, что может стать вкладом в историю Гражданской войны и добавить

в нее те факты, которые другим способом сохранить бы было невозможно.

Я надеюсь, что эта книга даст будущим поколениям представление о характере, который дал возможность Джону С. Мосби стать самым смелым и знаменитым рейнджером из всех, каких когда-либо знала эта страна, а также организовать, командовать и привести к бесчисленным победам мужчин и юношей, которые стали всемирно известны как «Партизаны Мосби».

И, наконец, я здесь хотел бы выразить свою благодарность редакции «Munsey's Magazine» за их любезность, позволившую автору использовать фрагменты этого труда для небольшой серии статей, опубликованных в этом журнале в 1904 году.

Глава I

ПОЯВЛЕНИЕ РЕЙНДЖЕРОВ

Многие полки, бригады и дивизии армии Конфедерации известны только по именам их командиров, реже по номерам. Наш маленький отряд называли «люди Мосби» и «Команда Мосби», и на это в значительной степени повлиял сам Мосби. Он был очень горд, называя нас «мои люди» и «моя Команда», но никогда не употреблял таких слов, как «мой батальон» или «мои войска»

или «мои солдаты». Судя по документам северян, янки называли нас «партизанами», желая оскорбить, конечно, но на Юге до самого конца войны нас так не называли, лишь после нее, когда мы прославили это понятие, и со временем стали относиться к нему с тем же спокойствием, с каким весь Юг относился к слову «мятежник».

В моем рассказе будут частично освещены наши боевые будни всего 1863-го и 1864-го годов и 1865 год — до самого конца войны. Я говорю «частично», поскольку не уверен, что опишу все выпавшие на долю нашей команды, приключения в книге, которая будет значительно тоньше Британской энциклопедии, даже если все старые вояки опубликуют в ней все свои воспоминания. Это были годы, когда армии Севера и Юга наиболее яростно сражались друг с другом в этой страшной войне, которая, казалось, ближе к окончанию становилась все более и более жестокой.

Я постараюсь подвести читателя так же близко к Мосби, как близко я находился рядом с ним во время боя, и как можно подробнее рассказать о наиболее волнующих и интересных случаях, которые я могу вспомнить, и которых так мало можно найти в тех огромных кучах бумаг, которые накопились в Вашингтоне с тех пор, когда Грант сказал: «Давайте жить в мире».

Джон С. Мосби — главный герой этих воспоминаний — родился в Поуатане, штат Вирджиния, в 1833-м году, в 1853-м окончил Вирджинский университет, был принят в коллегия адвокатов в 1855-м, и до 1861-го был практикующим юристом в Бристоле, штат Вирджиния. Как только началась война, он вступил в 1-й Вирджинский кавалерийский полк рядовым, а затем стал его адъютантом, сдав экзамен на лейтенанта. Он нес трудную и суровую службу до того момента, когда ему разрешили создать отряд партизан-рейнджеров. Это подразделение возникло в начале 1863 года в соответствии с принятым Конгрессом Конфедерации Законом о партизанах-рейнджерах, автором которого, как говорили, был майор Джон Скотт из Вирджинии, который долгое время безуспешно старался его реализовать. На основании этого закона было создано много партизанских отрядов, но только люди Мосби встретили окончание войны.

В 1862 году проводилась реорганизация многих полков армии Юга, и поскольку пустые места на кладбище должны были быть заполнены, многие офицеры остались не у дел. Когда Фитцхью Ли был назначен полковником 1-го Вирджинского кавалерийского полка, Мосби — лейтенант и адъютант — подал в отставку, и Ли принял ее.

Оказавшись снова в строю, он пристал к штабу генерала Джеба Стюарта, у которого он служил в качестве разведчика. Его час настал — шанс постучался в его дверь, и он воспользовался им. Он знал, что он нашел свое настоящее дело, и генералу Стюарту вскоре стало об этом известно. Это произошло незадолго до того, когда армия Севера тоже это обнаружила.

Первая значительная разведывательная экспедиция Мосби — не имеющая аналогов в истории этой войны — состояла в том, что он сам, без поддержки, объехал тылы генерала Макклеллана, который в начале июня 1862 года находился у Ричмонда. Когда Мосби предложил такой смелый план Стюарту, генерал сразу же искренне одобрил его, потому что он знал этого человека, но, тем не менее, отметил, что это очень опасное для одного человека, и, наверняка, провальное мероприятие.

Когда Мосби вернулся из своей экспедиции, в ходе которой он проявил всю свою энергию, смелость и изобретательность, он имел с собой информацию о местности и положении противника, что позволило ему благополучно сопроводить Стюарта и его кавалеристов снова по тому же маршруту. Так и получилось, что впервые в истории Стюарт совершил полный кавалерийский рейд вокруг армии врага, а Мосби возглавлял

колонну.

Мосби не имел изначальных сведений об этой местности, и большая часть рейда совершалась в ночное время. Федеральные солдаты были повсюду, и опасность таилась на каждом шагу. Этот подвиг проложил ему путь к его военному будущему, и генерал Стюарт, как и Мосби, понял, что молодой вирджинец, сумевший обойти вокруг армии Макклеллана — прирожденный рейнджер.

Ни в одной армии мира не существовало более колоритного, романтического и храброго кавалерийского командира, и в то же время обычного мужественного солдата, такого как «Джеб» Стюарт, но я ставлю вопрос так — смог бы он повторить, или даже породить саму идею такого скаутского рейда Мосби. Мосби был не только прирожденным разведчиком, но со временем стал замечательным лидером — что я попытаюсь показать в дальнейшем как можно лучше.

Первая настоящая команда партизан-рейнджеров Мосби родилась в начале февраля 1863 года, когда генерал Стюарт выделил ему пятнадцать человек из своего старого 1-го Вирджинского кавалерийского полка. Согласно его инструкциям этот маленький отряд должен был переместиться в Северную Вирджинию и «действовать в самой гуще войск противника», как сказал Стюарт. Вскоре он повисил Мосби до

капитана.

Этот шаг означал окончательное прощание с обычной жизнью армии и лагерями, звуками сигнальной трубы, учениями и патрульными обязанностями. Это означало отказ от зимних квартир и праздной жизни. Более не существовало выделяемых правительством пайков, одежды и обуви. Никаких боеприпасов и оружия. «Действовать в расположении войск противника» означало, если это необходимо, отказаться от всех связей со своими. Это означало находиться в более тесном контакте с Вашингтоном, чем с Ричмондом, и в небольшой группе Мосби не было человека, который бы не осознавал, какие ужасы могли поджидать их в дальнейшем. Вместо постели — земля и только личное снаряжение — вот с чем каждый из них начал свою борьбу, ну, а кроме того, право убивать врага и только силой отнимать у него то, что могло поддержать боеспособность отряда.

Те немногие, кто видел эту первую горстку людей, уходящих в дикие и пустынные места, и певших военные песни, с надеждой ожидал возвращения хотя бы части этого отряда.

На этом этапе, возможно, оправданно и разумно будет отметить, что партизаны Мосби не были дорожными разбойниками, бушвакерами ²

² Бушвакеры (англ. Bushwackers) — Один из типов

или просто бандитами, и что они не использовали в войне ничего такого, чего бы ни использовал их враг. Большинство из них были хорошо воспитанными и утонченными джентльменами, некоторые из них много путешествовали. И они полагали, что только в команде Мосби они могут выразить свои чувства к тому, что сделало их действия оправданными и необходимыми. Это были люди твердых убеждений, за которые они стремились в бой и были готовы умереть.

О них можно получить верное впечатление, ознакомившись со списками переживших войну. Они жили в различных уголках Союза и имели самые разные профессии, многие из них занимали руководящие должности в общественной жизни, политике и бизнесе. Авантюристы среди них, безусловно, были, но в целом они выгодно отличались от любого другого воинского подразделения Севера и Юга. А в послевоенный период ни один из них, как известно, не сделал ничего, что опозорило бы старую команду.

Д-р А. Монтейро, очень известный врач и хирург из Ричмонда, штат Вирджиния, который был хирургом команды Мосби в течение

партизан Гражданской войны в США. Назывались так за манеру атаки противника из «зеленки», которую солдаты Союза называли кустами (bush). — Прим. перев.

нескольких последних месяцев войны, в своих мемуарах пишет: «С полным правом я могу сказать, что после трех лет активной полевой службы в регулярной армии, я никогда не видел столько истинного мужества и благородства, а кроме того.

Характерная особенность команды Мосби состояла в том, что несколько человек из 1-го Вирджинского кавалерийского стали ядром созданного им 43-го Вирджинского кавалерийского батальона, к концу войны состоящего из восьми рот, по последнему подсчету, возможно, шестисот человек, из которых, из-за большого числа сидящих в тюрьмах или небоеспособных, к выполнению любого задания были готовы примерно триста пятьдесят. Батальон являлся частью регулярных войск армии Конфедерации, и подчинялась тем же законам, что и армия Северной Вирджинии, частью которой он был. Мосби выполнял приказы генералов Ли и Стюарта, работал с ними в полном согласии. Особая миссия партизан-рейнджеров состояла в информировании генералов Конфедерации о передвижениях противника, и в то же время как можно больше «тревожить и терроризировать» федеральные войска.

Каждый человек команды Мосби понимал, что он должен без колебаний следовать за своим командиром, и в результате у всех них

выработалась непоколебимая вера в своего лидера. Мосби никогда и никого из своих людей не заставлял идти туда, куда он сам бы не пошел. Он сам для себя так решил, и это решение стало одним из принципов его команды, и я помню один случай, когда лейтенант Бен Палмер из Ричмонда, штат Вирджиния, еще совсем мальчик, во время боя приказал Бобу Джерману пойти и открыть ворота, чтобы мы через них могли ринуться на врага. Едва дотронувшись до ворот, Боб был убит. Затем послали Бена Идена, и его постигла та же участь. Пришел час продемонстрировать, что значит командовать и подчиняться, и потому лейтенант Палмер сам прыгнул вниз и открыл ворота, а потом, вновь оседлав свою породистую серую, закончил бой блестящей победой.

Уже после войны в разговоре с полковником я сказал ему о том, что мы неизменно были готовы идти за ним, не зная ни о том, что надо было сделать, ни о цели этого мероприятия, ни о его причинах.

«Мансон, — ответил он, — только три человека в армии конфедератов знали, что я делал или собирался сделать — это были Ли, Стюарт и я сам, так что ты в этом не одинок».

Очень скоро после того, как Мосби начал свою карьеру как партизан-рейнджер, слава о его подвигах распространилась как по всему Югу, так и

Северу. Газеты каждый день рассказывали об этом смелом южанине. Торговые поезда опустошались, мосты сжигались, боеприпасы, оружие и амуниция исчезали — а отряд как сквозь землю проваливался. Разведчики и одинокие солдаты армии Севера, исчезали, словно невидимая рука похищала их, а их лагеря уничтожались. Если в радиусе пятидесяти миль мы слышали звуки коротких, яростных и кровавых столкновений, по всей Северной Вирджинии эхом откликалось, что это «атака людей Мосби». Казалось, что они обладают способностью наносить удары по полудюжине мест одновременно.

Интерес к Мосби проявляли все солдаты всех полков армии Конфедерации. Перейти в его Команду из какого-нибудь другого подразделения было почти невозможно. Дезертиров он не принимал. Он утверждал, что каждый солдат принадлежит своей дивизии и наказывал дезертиров путем быстрого возвращения их в свои полки, и если требовалось — под конвоем. Дисциплина в регулярной армии для Мосби была законом, и он ее никогда не нарушал.

Эти ограничения открыли возможности для гражданских лиц и бывших офицеров, так что Мосби вскоре оказался в окружении самых благородных представителей Юга. Его новобранцы принадлежали к благороднейшим семьям

Конфедерации. Были просто молодые люди, которым хотелось испытать свою мужественность, некоторые из них еще совсем дети, отставные офицеры, желавшие любой ценой вернуться в армию, случайные авантюристы-иностранцы — искатели приключений, пылкие патриоты, хотевшие просто изменить свою жизнь, и готовые, как какой-нибудь дервиш с помощью пуль Максима во имя Мухаммеда встать на колени и умереть за свои убеждения.

Был в его команде один молодой парень из Ричмонда, некто Джон Пурьер — красивый, смелый, бесшабашный, и в самом деле, постоянно рвавшийся в бой. Пурьеру не была свойственны ни осторожность, ни чувство страха, ни рассудительность. Для него война означала в безумном порыве нестись по рядам противника, его длинные черные волосы развевались на ветру, а его револьвер буквально раскалялся от выстрелов. Верхом на лошади он был подобен кентавру, и никто из врагов не видел, чтобы он сражался вместе со всеми, рука об руку. Тем не менее, Джон Пурьер был безрассуден, и шансов, что он изменится, не имелось практически никаких. После одного из его самых смелых и блестящих прорывов Мосби однажды сказал ему:

— Пурьер, я собираюсь за храбрость сделать вас лейтенантом.

Поистине, с королевской грацией Пурьер поклонился, и перья на его шляпе качнулись.

— Но, — добавил полковник, — я не хочу, чтобы вы когда-нибудь командовали хоть кем-нибудь из моих людей».

Пурьер несколько смутился, но, очевидно, осознав суть комплимента, повторил свой королевский поклон с таким видом, словно обязанности Мосби в настоящее время были возложены на него. Таким образом партизан-рейджер благодарил храбреца. Еще мальчиком, каким я был в то время, я понял, что Мосби желал, чтобы Пурьер сражался за него, а не думал вместо него.

То, что я рассказал о Джоне Пурьере, относится и к пятидесяти другим юным членам команды. Он был идеальным образцом для молодежи. Когда они не сражались, они, как правило, играли. Во время рейда они вели себя столь же беззаботно, как ученики на школьной перемене, я видел, как они гонялись друг за другом вперед и назад вдоль линии марша, не соблюдая дисциплины и бдительности. Для них это была прекрасная возможность показать новичкам как надо ездить верхом, демонстрируя всякие трюки, и шалости.

Одному из наших людей пуля попала в рот, и на его зажившем языке образовался большой рубец,

после чего его язык стал выглядеть весьма необычно. Каждый парень в отряде знал об этой особенности языка Б., и часто, во время веселья на рейде, они предлагали ему немного денег за то, что он на пять минут высунет язык.

Способность Мосби правильно оценивать людей, его абсолютная свобода от зависти и эгоизма, его безошибочные решения в критические моменты, его преданность своим людям, его постоянная бдительность, непоказная храбрость и высокое чувство чести — все это вместе в сознании и сердцах служивших в его команде людей слилось в своего рода, священный образ героя. И в те долгие периоды времени, когда я не видел его, я с нетерпением ждал того дня, когда при его появлении я мог бы снять шляпу, и предложить ему свое общество.

Глава II

Я ПРИСОЕДИНЯЮСЬ К РЕЙНДЖЕРАМ

Когда началась гражданская война, мне исполнилось лишь пятнадцать, и большую часть своей жизни я прожил просто великолепно. Весной 1861 года, в одно прекрасное воскресенье, из Ричмонда пришло известие, что канонерка США «Поуни» идет вверх по Джеймс Ривер чтобы напасть на город. Все его население взволновалось

невероятно. Губернатор сразу же приказал всем местным войскам покинуть город. На улицах появились уважаемые всеми вооруженные старики, которые принимали участие еще в войне за независимость от Англии. Загруженную чугуном шхуну было приказано затопить в реке. Местной кавалерийской роте, известной как «Губернаторская гвардия», приказали отправиться вниз по реке, захватить «Поуни» и доставить ее в город. Возможно, старый губернатор думал, что ее можно как обычную лодку вытащить на берег, а затем на телеге отвезти в город.

При каждой армейской роте в дни находились один или два мальчика-сигнальщика — у них были маленькие флажки, и их задачей было забегать перед ротой вперед, занимать назначенную точку и неподвижно стоять на ней все время пока рота не подойдет к ним, и не пройдет дальше. В воскресенье днем в качестве сигнальщика «Губернаторской гвардии» я отправился вниз по реке, и впервые в жизни три ночи спал на открытом воздухе. «Поуни» не прошел Норфолк, и, в конце концов, мы, покрытые пылью этой кампании, вернулись обратно в Ричмонд. Уличный чистильщик обуви предложил некоторым из нас «осветлиться», но после попытки приблизиться, был с позором прогнан прочь. Каждая пылинка была на вес золота для его обладателя, мы были на

фронте и мы были, наконец, настоящими солдатами, а не ополчением.

Это был мой первый солдатский опыт в этой войне, и я считаю, первый в Вирджинии.

Спустя несколько дней после этого события, когда однажды ночью я, лежа в своей постели в Ричмонде дрожал от страха, что война не продлится достаточно долго, и я не успею повоевать, грохот военного барабана эхом прокатился от одного до другого конца улицы, а за ним последовал топот шагов солдат регулярной армии. Как и любому другому жившему в то время парню, все это очень нравилось мне. Однако со временем мы привыкли видеть мужчин в сером, а когда в результате разгоревшегося конфликта страна начала бедствовать, от романтики не осталось и следа.

Вот тогда мы и узнали о Мосби и его людях. На мой взгляд, Мосби был идеальным бойцом — от кончика пера на шляпе до шпор. Рассказы о его замечательных достижениях слетались в Ричмонд со всех сторон. Никогда Жанна д'Арк не чувствовала такого желания сражаться, как я, так страстно желавший присоединиться к Мосби. У меня не было никаких сомнений в своем желании и понимании того, что главный партизан — рейнджер требовал от своих людей непременно стрелять, если того будет требовать ситуация и спать на открытом воздухе при любой погоде. И я, соответственно,

обуздал свой аппетит и отказался от всех видов комфорта, полагая, что голодание и самоистязание со временем позволят мне выдержать суровые кампании с рейнджерами. Всякий раз, когда я получал очередную новость о подвигах Мосби, я добавлял новые неудобства к своей повседневной жизни и с нетерпением ждал момента, когда я смогу появиться перед моим героем, которого я никогда не видел, и сделать так, чтобы он лично убедился, что я весьма умен и опытен, не боюсь трудностей, и способен быть ценным дополнением к его партизанскому отряду.

Однажды я узнал, где он сейчас находится. Конечно, найти его было очень тяжело, ведь на него охотились люди из армии Союза, но в то же время, многие солдаты той же армии находили его тогда, когда занимались другими делами, и эта встреча для них была полной неожиданностью. Информация, которую я получил из разных источников, позволяла мне уверенно утверждать, что он тогда был в графстве Фокир, штат Вирджиния, недалеко от Блю-Ридж Маунтинс, в ста пятидесяти милях от Ричмонда. Я думал только о том, чтобы добраться до него, и чтобы как можно скорее. Лошадей было мало, да и купить лошадь тоже почти невозможно и, кроме того, мой отъезд верхом из Ричмонда вызвал бы интерес у моих друзей и породил бы сплетни, а я старался держать

свой патриотический пыл в полной тайне ото всех.

Таким образом, мне ничего не оставалось, как идти пешком.

Готовясь к партизанской жизни, я полагал, что быстро вырасту и физически стану сильнее, и потому надел на себя китель из ткани тускло-серого цвета, изначально скроенный для мужчины шести футов ростом. Я также коротко подстригся, и это тоже не красило меня. Рубашка моего костюма была тоже серой с легким оттенком желтого и заканчивалась не доходя до колен. Я был, пожалуй, самым безнадежным кандидатом на роль славного солдата, если учесть, как я выглядел, когда уходил из Ричмонда. По какой-то необъяснимой для самого себя причине, в качестве оружия у меня был только карманный нож. Множество покрывавших мое лицо веснушек и вздернутый нос, который таким навсегда и остался, сияли от загара, полученного мной от постоянного пребывания на свежем воздухе. Я покинул Ричмонд под покровом ночи, опасаясь, что какой-нибудь любознательный сосед увидит меня, таким образом подготовившегося к военной жизни, и это закончится тем, что Мосби не примет меня.

Спустя десять дней после этого, пройдя через места, которые нельзя было назвать богатыми и приятными для проживания, я подошел к предгорьям Блю-Ридж недалеко от станции

Маркхэм, где, как я предполагал должен был находиться Мосби и его люди. Прибыв туда поздно вечером, я был вынужден потратить около двух часов своего драгоценного времени, чтобы окончательно уточнить их местонахождение. По сути дела, спросив любого местного жителя, я через пять минут мог быть на месте, но мне казалось, что для будущего человека команды Мосби неправильно было бы так начинать свою службу. Партизанский лидер отдыхал после одного из своих успешных рейдов, и восхищавшиеся им местные жители наперебой соперничали друг с другом в оказании ему чести и предоставлении своих домов и различных приятных развлечений для него и его партизан. В конце концов, я нашел его в доме м-ра Джеймисона Эшби, сторонника Дела Юга, человека с большим сердцем, чей дом был всегда открыт для его друзей. Человек старых времен Вирджинии жил в построенном в те же годы особняке и развлекался в столь же традиционной манере.

Уставший, со стертymi ногами, я подошел к этому дому, и через промежутки между стволами окружавших его деревьев я смутно видел некоторых из людей Мосби, прогуливающих на лужайке и широкой веранде. Сгорая от волнения, я смотрел, и пытался найти среди них высокого человека в прекрасном мундире, в шляпе с развевающимся пером и сверкающей саблей. В

течение всего времени моего путешествия из Ричмонда в моем сознании постепенно сложился образ Мосби — идеального героя. Я воображал, что он подобен таким людям, как генералы Ли, Джексон и Стюарт, и не был уверен, что он не похож еще на Робин Гуда или Ричарда Львиное Сердце. К тому времени, когда я стал на дорожку, ведущую к широкому крыльцу, я окончательно понял, что вряд ли смогу узнать того выдающегося командира, под чьим руководством я так жаждал быть. Где же Мосби? Внезапно я почувствовал, что кто-то тронул меня за локоть, и, в этой, казалось, удушающей меня тишине, я услышал:

— Вот он. Посмотри туда!

Наконец-то! Я проследил за направлением пальца, который появился совсем рядом с моим веснушчатым носом, и был потрясен. Я увидел невысокого, просто одетого человека с немного бледным лицом. Не атлет, но маленький и жилистый, заложив руки за спину, он тихо разговаривал с одним из своих людей. Его талию опоясывал военный ремень, на котором висели два армейских кольта.

Все заполнявшие мой разум образы сверкающих и величественных героев тотчас испарились. Ни огромных мускулов, ни пышности в одежде — простой, тихий и обычный человек — это так удивило и расстроило меня! Он даже ходил

спокойно и скромно.

Я стоял как вкопанный, размышляя, что лучше — подойти к нему, или отправиться обратно в Ричмонд. Я чувствовал, что одежда на мне стала вроде еще больше, а может это я уменьшился?

Стойкие соратники Мосби — и те, кто стоял рядом с ним, и те, кто отдыхал на веранде, никак не старались облегчить поглотившие меня чувства обиды и унижения. Это были абсолютно реальные живые партизаны, ради которых я проделал столь долгий путь.

Я снова посмотрел на Мосби. Как жаль! Он не вырос ни на дюйм, и не испустил ни одного боевого клича, он говорил так тихо, что до меня долетали только обрывки его слов.

Тут на веранде появился м-р Эшби и, улыбаясь, объявив, что ужин готов, пригласил Мосби и его людей внутрь. Услышав его слова, все они быстро, один за другим, пошли в комнаты. Позже я узнал, что во время рейда, да и в других местах, партизаны никогда не страдали отсутствием аппетита. Мосби тоже ушел с ними, а я остался стоять на улице, со смутной идеей, что, возможно, мне теперь совершенно необходимо отправляться обратно в Ричмонд, пусть даже без ужина.

— Входите, сэр, поужинайте с нами, и у вас будет возможность встретиться с Мосби.

Я поднял голову и увидел, что это мистер

Эшби — он стоял в дверях, протягивая мне свою правую руку в знак приветствия, а левой приглашал войти.

Я тотчас поблагодарил его и принял приглашение.

Сидя рядом с ним, я на глаз прикинул, в чем наши различия. Я был почти в три дюйма выше, и весил фунтов на двадцать больше, чем он.

После небольшой паузы, которая мне показалась целой вечностью, в течение которой я не смог проглотить ни куска, Мосби, наконец-то понял, что с ним рядом кто-то чужой. Он внезапно повернулся ко мне и наши глаза встретились. И в этот момент раскрылась тайна его власти над своими людьми. Она была в его глазах — темно-голубых, ярких, ясных, пронзительных, и когда он говорил, в них вспыхивали огоньки, в тех местах его речи, где, будь она на бумаге, стояли бы знаки препинания. По крайней мере, он почти полминуты пристально смотрел на меня, и постепенно строгость и удивление в его взгляде сменились лукавством и удовольствием. Он полностью овладел мной, от макушки моей стриженной головы до скрывавшихся под столом штанов. Я думал, что моя желтая рубашка впечатлит его, но он никак не проявил своего интереса к ней.

Когда он заговорил со мной, каждый сидящий за столом прекратил есть и обратил свое внимание на меня.

— Кто ты? — был его первый вопрос.

— Джон У. Мансон, — ответил я, весьма неловко попытавшись поприветствовать его.

— Откуда?

— Из Ричмонда, сэр.

— И чего ты хочешь?

И тут я сделал свое грандиозное заявление:

— Я хочу присоединиться к партизанам-рейнджерам Мосби.

Это мое заявление, начавшись весьма тихо, постепенно накапливая силы, в конце прозвучало как пушечный залп. Я думал, что сидящие вокруг стола люди расхохочутся. Однако они сидели молча и пристально рассматривали меня. Мосби закинул руку за спинку стула и продолжал.

— Что у тебя есть?

— Только то, что на мне, — ответил я.

Конечно, у меня имелось кое-что, но я крайне стеснялся своего оружия и обмундирования. И вот только теперь моя дерзость — настолько полная и смелая, — взорвала присутствующих. Один человек, сидевший чуть поодаль от стола и куривший сигару — захваченную! — засмеялся. Мосби повернулся к нему, и одним своим взглядом заставил нарушителя заткнуться. Из всех оказанных

мне полковником Мосби благодеяний, за которые я ему очень благодарен, это я ценю больше всех.

— Сможешь достать лошадь? — спросил он, когда вновь восстановилась тишина.

— Конечно, сэр, — ответил я, хотя и очень сомневаясь, что у меня это получится.

— Отлично, встретимся завтра рано утром у Блэкуэлла и продолжим разговор.

Затем он вернулся к своей трапезе, и закончил ее в полной тишине, и, судя по его поведению и внешнему виду в тот вечер, казалось, что он совершенно забыл о моем существовании. Я же неторопливо продолжил свой ужин, поскольку никто из сидящих ко мне не обратился ни с одним словом. Потом все один за другим вышли из дома, я пошел за теми, кто направился в конюшню, и увидел, что две из стоявших там лошадей оседланы. Я спросил, как мне найти Блэкуэлла, и мне ответили, что он примерно в десяти милях отсюда. Я не хотел, чтобы все знали, как я хочу попасть туда, так что я залез в стог сена и заснул.

Я проснулся задолго до рассвета и подумал о лошади, которую я обещал найти. Походив по этой местности в разных направлениях, я, наконец, узнал дорогу к Блэкуэллу, и уже когда солнце появилось на небе, я стоял во дворе одной фермы и разговаривал с фермером, который шел к своему сараю. Я объяснил ему кто я, и куда направляюсь, а

потом спросил его, не подскажет ли он мне, где бы я мог раздобыть лошадь. Глядя на меня с некоторым удивлением, вероятно, подозревая, что я шучу (хотя я не шутил, потому что я действительно мог бы стать конокрадом, попадись мне хорошая лошадь), он сказал мне, что у него есть лишняя лошадь, и он мог бы продать мне ее в рассрочку. Это предложение поразило меня как манна небесная в пустыне, и я с радостью принял его условия, а заодно позаимствовал у него седло и уздечку.

Прошло совсем немного времени после восхода солнца, когда я, хорошо экипированный, но весь в поту, въехав во двор м-ра Блэкуэлла, к своему величайшему удивлению обнаружил, что Мосби и некоторые из его людей прибыли туда на несколько часов раньше.

Я поставил свою лошадь у коновязи, а кроме того, опасаясь, что она от тоски и страха убежит домой, хорошей и крепкой веревкой, обвернутой вокруг ее шеи, привязал ее к ближайшему дереву, и только потом вошел в дом, чтобы доложить о своем прибытии. В это раннее утро, спустя лишь двенадцать часов после того, как меня поставили пред очами августейшего, я чувствовал себя значительно уверенней. Когда я вошел в комнату, Мосби повернулся и посмотрел на меня, и я думаю, что он узнал мою желтую блузку или мой

веснушчатый нос или, возможно, мою сдержанность. В те времена я должен был быть сдержанным. Во всяком случае, когда я сказал ему, что у меня есть лошадь, он улыбнулся и положил руку мне на плечо, интересуясь, хорошая ли она. Как-то мне пришла в голову мысль, что он подумал, что я скаут-одиночка и похитил лошадь у какого-нибудь патруля. У молодых весьма живое воображение. Во всяком случае, я никогда не смогу забыть ни его жизнерадостности, ни блеска в его глазах.

С этого момента моя одежда стала мне более к лицу. Я ходил за Мосби по комнате, потом и на крыльцо и, после десятиминутного моего с ним разговора, откуда ни возьмись, появился револьвер, а с ним и ремень, и кобура, и теперь я — новый партизан команды Мосби — партизан, полностью готовый к военной жизни.

Глава III

КАК МЫ ЖИЛИ

Образ жизни человека в отряде Мосби полностью отличался от образа жизни солдата регулярной армии. Люди Мосби никогда не имели ни лагерей, ни постоянных квартир и никогда не спали в палатках. Они даже не знали, как ставить палатку. Такие вещи, как приготовление кофе,

жарка бекона, или варка пищи никогда не приходили им в голову. Если мы хотели перекусить, мы либо останавливались у дружественного нам фермера, либо ходили в какой-нибудь город и покупали себе все желаемое. У каждого члена Команды имелась своя особая ферма, которую он мог бы назвать своим домом.

Жители этой части штата, которую называли «Конфедерация Мосби», в целом состоявшей из графств Фокир и Лаудон, были убежденными южанами, хотя и очень часто оказывались вне территории, контролируемой армией Юга, и они были рады людям Мосби, не только из-за того, что имели тем самым возможность проявить свои симпатии к Югу, но и ради безопасности, которую им обеспечивали партизаны.

Во время войны местные органы власти здесь не функционировали. Не было ни судов, ни судебных работников. За необходимыми законами и обеспечением их соблюдения люди обращались к Мосби, и ни в одном штате, ни до, ни во время, ни после войны не было лучшего управления. На своей территории Мосби не только не допускал преступлений, но даже обычных проступков. Однажды один из наших людей в ярости попереворачивал молочные бидоны старого фермера-квакера, и когда Мосби узнал об этом, он приказал мне отвезти этого человека в армию,

которая стояла тогда близ Винчестера, и лично передать его генералу Эрли, с сообщением, что такие люди, как этот человек, недостойны быть партизанами.

Никто в нашей Команде не имел никакого представления о кавалерийской выучке, и мы бы не смогли двигаться ровно и прямо даже, если бы возникла такая необходимость. У нас не было горниста и очень редко проводилась перекличка. У нас не было единой униформы. По званию мы обращались не ко всем офицерам, а только к Мосби. Фактически, от нас не требовали того, что требуют от обычного солдата, но, тем не менее, не было в армии такого подразделения, где люди так охотно подчинялись бы своему лидеру. От нас требовалось делать хорошо две вещи — выполнять приказы и сражаться.

У нас не было сабель, поскольку никто не умел пользоваться подобным видом оружия. Мое самое яркое воспоминание о том, что такое сабля, возвращает меня в то время, когда я впервые увидел этот длинный изогнутый клинок в звонких стальных ножнах, у захваченного нами юниониста. Никто из нас не осмелился покрутить ей на расстоянии вытянутой руки, опасаясь убить стоящего рядом товарища, но впоследствии мы обнаружили, что этим великолепным оружием очень удобно погонять упрямого мула. После

первого же удара строптивного захваченного у северян мула плоской стороной сабли по спине, он шел вперед и никогда больше не оказывал сопротивления. Звук удара сталью, казалось, пугал его больше, чем все плетки армии Союза. И только один раз я видел это смертельное порождение войны в одной кровавой стычке, когда юный Эмори Питтс из моей роты, игриво вогнал ее конец в тело тринадцатилетнего нью-йоркца, который выстрелил в него, а потом, убегая, пытался спрятаться под военным фургоном.

Вопреки распространенному мнению, постоянно во время войны мы карабины не носили. Каждый из людей Мосби был вооружен двумя армейскими револьверами Кольта сорок четвертого калибра. Их носили в поясных кобурах. Те из очень немногих, кто мог себе позволить купить или захватить дополнительные револьверы, и те, кто хотел удовлетворить свое тщеславие, хранили их либо в седельных кобурах, либо в голенищах сапог. Это оружие было чрезвычайно опасным и эффективным в рукопашных схватках. Длительная и постоянная практика превратила каждого человека Команды в хорошего стрелка, и каждый из них со своим револьвером был так же уверен в себе, как и любой ковбой со своим шестизарядным. Наши бои, как правило, были яростны и скоротечны — когда заряды заканчивались, та или

иная сторона быстро отступала. В настоящее время именно офицерами армии Соединенных Штатов обсуждается вопрос об отказе от использования сабель, и я считаю, что вскоре они будут либо храниться в музеях, либо валяться на мусорных свалках. Я получил письмо от офицера одного из элитных кавалерийских полков, в котором он просил меня дать более подробный рассказ об отношении к сабле, чем тот, что был в опубликованных воспоминаниях, и, после некоторых колебаний я ответил ему, что Мосби и его люди отрицательно относились к сабле. Я сказал ему, что ирландец со своей шиллейлой³ в ближнем бою заставил бы средней руки кавалериста краснеть от стыда. Я только дважды видел кровь, пущенную саблями в этой войне, но, тем не менее, видел тысячу сверкающих клинков у станции Бренди.

Федеральные кавалеристы, в целом, сражались саблями, во всяком случае, они носили их, и Мосби часто говорил, что они были столь же бесполезны против виртуозно владевшего револьвером стрелка, как деревянные мечи арлекинов. После того, как тактика Мосби стала

³ Шиллейла (ирл. shillelagh) — ирландская трость и боевая дубина одновременно. — Прим. перев.

более известной, рейдерские отряды северян начали активнее использовать револьверы, и с каждым боем достигали все больших успехов. В упорных боях я видел, как под непрерывным огнем люди из обеих армий сидели на своих беспокойных лошадях и перезаряжали оружие. Так, однако, было не всегда — кто-то, как правило, прятался, чтобы перезарядить опустевший револьвер. И мы, и они поступали так очень часто, но я думаю, совершенно не кривя душой в ущерб истине, что мы видели спины противника чаще, чем они наши. Я связываю это во многом с тем, что, как правило, мы нападали на них неожиданно.

Револьверы в руках людей Мосби были столь же эффективными при внезапных атаках и стычках, как и огонь сплошной линии легких пушек противника. Это во многом объясняется тем, что Мосби наставлял своих людей никогда не открывать огонь, пока они не увидят глаза противника⁴. Нередко можно было видеть, как

⁴ Эту фразу сказал во время битве при Банкер-Хилле Уильям Прескотт (1726 — 1795) — военачальник США, полковник американской армии во время Войны за независимость. Точнее — именно белки глаз, поскольку именно с такого расстояния из того довольно несовершенного в прицельном отношении оружия можно было уверенно поразить неприятельского солдата — Прим. перев.

кто-то из наших людей скачет галопом и в то же время последовательно укладывает три пули в ствол своего револьвера.

Стрельба таким способом привела к тому, что после каждого боя на поле оставалось множество потерявших своих всадников лошадей.

Стандартная униформа называлась просто «серая». О нас говорили, будто мы носили синее, чтобы вводить противника в заблуждение, но это смешно, потому что мы всегда находились на оккупированной территории, где взятый в плен переодетый в синюю форму солдат Юга был бы быстро осужден военно-полевым судом и расстрелян как шпион. Я ничего не знаю и никогда не слышал о том, чтобы кто-нибудь из нашей Команды когда-либо надевал синюю форму, или носил при определенных обстоятельствах, или снимал ее с военнопленного. У нас не было никаких оснований использовать синюю форму в качестве маскировки, и фактически мы вообще ничего не использовали для маскировки, потому что поводов для этого не было никаких. Большинство наших атак совершались в темное время суток, когда все цвета выглядят одинаково, а днем нам не требовалось обманывать янки, если возникала потребность вступить с ними в бой. Но с другой стороны, в армии Севера были люди, известные как «Скауты Джесси», всегда одевавшиеся в серое, и

мой опыт общения с ними дает мне право утверждать, что они, похоже, в полной мере осознавали, как они рисковали, попав в такой форме в наши руки.

Серое сукно являлось единственной необходимой тканью для нашей униформы и стоило оно очень недорого. Большая часть его была оплачена деньгами дяди Сэма, которые мы получили от него прямо или косвенно. Мы вели себя как азартные картежники. У нас были и удачи, и провалы, но после каждого успешного рейда мы были еще лучше одеты и вооружены — ни одно подразделение армии Конфедерации не владело лучшими лошадьми. Даже самые скромные и тихие рядовые нашей команды одевались так, как не одевался сам Соломон в период расцвета своего могущества. Военные поставщики и маркитанты армии Союза предоставляли нам богатый ассортимент товаров наивысшего качества, и я не могу вспомнить случая, когда мы отказывались от того, что имелось у них на тот момент, или намекали им, что отныне мы будем приобретать у других поставщиков.

Если нам хотелось чего-то такого, что мы не могли взять силой оружия, мы посылали за этим на Север и платили за это только деньгами северян.

Некоторые из членов Команды были крайне привередливы в вопросе одежды, украшенной

золотым шитьем, вставками из бизоньей кожи и страусовыми перьями на шляпах. После того «Долларового» рейда, когда мы захватили казначеев генерала Шеридана и 170 000 долларов в новеньких и хрустящих правительственных ассигнациях, каждый человек получил в качестве своей доли более 2 100 долларов. Результатом было то, что каждый имел такую одежду и снаряжение, которые как никогда раньше не радовали его сердце. Во все времена, хорошие или плохие, партизаны всегда стремились модно одеваться. Радостно встречавшие трудности и опасности, полные песен и различных историй, равнодушные к будущему и всегда готовые ко всему — они гордились всеми этими качествами, способствовавшими их победам и овладению новыми трофеями.

Вскоре я тоже стал одержим страстью к красивой одежде, и тотчас же послал торговца на Север за серым вельветом, из которого я хотел сшить сам китель, а также необходимыми для него золотой тесьмой, обрезками бизоньей кожи, золочеными пуговицами, высокими сапогами, перчатками, мягкой шляпой и тремя страусовыми перьями, чтобы все находилось в полной гармонии. Я намеревался выглядеть именно так, даже если на этот костюм будет потрачен последний доллар, и, собственно, так и вышло — когда все необходимые

для костюма компоненты прибыли, обнаружилось, что честный торговец хотел получить от меня около двухсот долларов наличными. Я совершил несколько сделок, продав часть своего имущества, и, наконец, собрал всю сумму, уступив торговцу по пять долларов за фунт имевшийся у меня табак, в котором он очень нуждался. Некоторое время я расхаживал гордый как петух, пока надо мной в доме м-ра Эшби не посмеялся один парень, и в назначенный мною день мы оба продемонстрировали друг другу свои аргументы.

Мосби поддерживал своих людей в их погоне за модой, хотя лично сам одевался строго и опрятно. Только тогда, когда ему надо было встретиться с генералами, он одевался намного ярче. В таких случаях он всегда надевал самый лучший свой костюм, плащ с золотым шитьем на красной подкладке и шляпу со страусовым пером — так же легко и беззаботно, как и все его люди. Я всегда считал, что он делал это с целью заставить тех, кто служил в регулярных войсках почувствовать значимость его партизан-рейнджеров — его самой большой гордости. Он хотел, чтобы видя его в полном наряде, армейские воспринимали его как обобщенный образ всей его Команды. Во время битвы яркая униформа, развевающийся плюмаж, сверкающая сабля и белая лошадь всегда вызывали

на себя огонь противника, а Мосби всегда в бою вел себя так, что его действия обращали на себя внимание, и его плащ на красной подкладке был настолько заметен, что неизменно обращал на себя концентрированный огонь противника. Я считаю, что он использовал такие специальные знаки для привлечения внимания не потому, что он был безрассудным, ибо безрассудство не всегда отвага — нет, просто он был бессознательно смелым, и любил войну саму по себе. Война для него не была «адам», как для Шермана, он воспринимал ее как своего рода боевой пикник. Если бы он жил во Франции во времена Империи, он был бы фельдмаршалом. А если бы он участвовал в Балаклавском сражении, он бы шел во главе шестисот. На своих собственных небольших полях сражений,

Where'er wild war's sirocco breath
Its deadliest impress made,
And revelled midst its feast of death,
There flashed his battle blade.

Везде, где пышет битвы жар,
Где смерть и кровь кругом,
Он счастлив, нанося удар
Сверкающим клинком.

(Перевод. В. Пахомова)

или, вернее, там сверкал его дымящийся кольт, поскольку Мосби никогда не использовал никаких видов холодного оружия.

Всякий раз после успешного рейда, мы первым делом погашали свои долги перед фермерами и местными жителями, чьей щедростью мы пользовались — лошадьми, скотом и другими нужными в сельской жизни вещами. Возвращение из налета на маркитантский обоз превращалось во всеобщий праздник — доставалось всем. Однажды в обозе генерала Шеридана мы захватили около двухсот пятидесяти отборных коров, а потом раздали их всем нашим сельским друзьям, справедливо разделив их так, чтобы всем хватило.

Однажды мы напали на товарные склады станции Даффилд, железной дороги «Baltimore & Ohio Railway», и то, что там было найдено, выглядело так соблазнительно, что я решил взять кое-что из этого для своей домохозяйки и ее семьи. Я наполнил мешок всеми видами полезных для дома вещей и надежно закрепил его на седле. Затем, вернувшись на склад и снова осмотревшись, я заметил несколько кринолинов, которые, без сомнения, торговец купил по особому заказу жены армейского офицера. Я взял их и также привязал к

моему седлу. Потом я сделал еще один и последний заход на склад, и начал набивать свои карманы всякой всячиной — пуговицами, булавками для волос, катушками ниток, крючками, и тому подобным, и, наконец, обнаружив множество бумажных пакетов с иглками, я сунул целую горсть их в свой брючный карман.

Тут кто-то сунул голову в дверь и крикнул:
— Янки идут!

Мы немедленно вскочили на наших лошадей и вместе с нашей добычей галопом поскакали прочь. Первые несколько миль мы обычно гнали изо всех сил, ну а потом пошли своей обычной скоростью. Но я не преодолел и мили, когда бумажные пакеты с иглами в моем кармане начали разворачиваться, и при каждом прыжке лошади каждая освободившаяся игла напоминала мне о том, что я взял ее в плен, и таким образом, к концу нашей гонки на моей ноге образовалось несколько десятков следов от игольных острий, а две или три иглы высунулись наружу и двигались то вверх, то вниз, то внутрь, то наружу, в зависимости от принятого ими общего решения.

Помню, что я благополучно передал все мои подарки моим добрым друзьям, но не иглы, да и вообще не упоминал о них, когда рассказывал об этом рейде. Во всех своих последующих налетах на товарные склады, я довольствовался только

вещами, которые были бы не слишком громоздкими и не имели бы способности впиваться в меня, например, сапогами, перчатками, вещами бытового назначения, но к иглам я больше не прикасался.

Несмотря на то, что довольно рискованно было ночевать в домах, находившихся на оккупированной противником территории, у нас практически не было проблем, так как с наступлением вечера наши люди всегда занимались отловом тех рейдерских групп, которые знали об этой детали нашей тактики и постоянно преследовали нас. Мы знали эту местность гораздо лучше, чем солдаты Союза, и, в случае опасности нам нетрудно было поменять место ночевки. Всякий раз, когда по окрестностям бродило слишком много вражеских рейдеров, мы забирали свои одеяла или плащи и проводили ночь либо в лесу, либо в саду, до самого окончания тревоги. Мосби нередко ночевал один в таких местах, но, поскольку у него, как и у меня имелся прекрасный плащ из бизоньей шкуры, я испытывал огромное счастье от столь почетной привилегии прижаться к нему, лежа под этими двумя плащами, и «грезить только о полях сражений, и ни о чем другом».

Иногда Мосби сам ходил в разведку, но, как правило, его сопровождали один или несколько прекрасно знающих эту часть штата человек. Под

покровом ночи он двигался так тихо и бесшумно, что даже индеец бы позавидовал. Никогда в такой поход он не брал сабли, а все, что могло звенеть — шпоры, или металлические части уздечки он снимал. Издававший ржание конь сразу же пристреливался. Казалось, наши лошади знали, что в такие моменты надо вести себя тихо; во всяком случае, они всегда так поступали.

Мосби был самым «шустрым» разведчиком, из всех, каких я знал, в седле он мог посетить около десятка намеченных мест, преодолеть пятьдесят миль от заката до восхода солнца, при этом успев собрать в каждой точке важную информацию. В зависимости от ситуации, из любой точки он посылал гонцов, независимо от времени дня или ночи, или наличия в окрестностях друзей или врагов. Я не припомню случая, чтобы хоть кто-то из его посланников сделал что-то не так. Никто и никогда не слышал о том, что хотя бы одна из депеш Мосби была перехвачена.

Лошади, конечно же, были просто необходимы для людей Мосби. И чтобы выполнять наши.

Когда группа рейдеров проезжала через нашу территорию, местные жители забирали своих лошадей и скрывались в лесу до тех пор, пока они не уходили. Если же мы находились достаточно

далеко, фермеры специально припрятавали своих лошадей для нас, а нередко даже женщины и дети помогали нам.

Старый негр Мосби, Аарон, считал себя весьма значительной личностью и очень боялся янки. В ответ на наши шутки по этому поводу он нам отвечал, что он не какой-нибудь «масса Джек», которого ищут янки, но «Аарон», и что если бы они смогли поймать его и отвезти в Вашингтон, президент Линкольн посадил бы его на большой серебряный поднос и выставил на обозрение перед всем миром. В тот самый момент пришло сообщение (а может, просто слух), что к нашей штаб-квартире идут янки. И старый Аарон тотчас на своей лошади ускакал в горы, и мы не видели его до самого заката, когда он потихоньку прокравшись через заднюю дверь, спросил у первого, кого он встретил: «Они уже ушли?»

Один раз, желая пошутить, Джонни Эдмондс, и я прискакали в амбар, где Аарон чистил одну из лошадей полковника и закрыли за собой большие въездные амбарные ворота. Мы начали стрелять и крикнули ему, чтобы он остерегался янки. Не теряя ни секунды, он стрелой вскочил на неоседланную лошадь, перепрыгнул через ворота и унесся в горы. При каждом прыжке его лошади мы давали залп и кричали ему, чтобы он остановился, но он продолжал мчаться и мы не видели его до

следующего утра. Этого он нам не смог простить никогда.

Аарон сопровождал Мосби еще тогда, когда тот служил в регулярной армии, до организации Команды. У перекрестка Барби в Фокире был бой, в котором участвовал Мосби, а старый Аарон, находясь от него на безопасном расстоянии, держал для него дополнительных лошадей. Он сидел на крыльце старого дома, слушал звуки ружей, «принюхивался издалека к запаху битвы издалека», и ждал своего хозяина, чтобы по его возвращении получить новые приказы. Внезапно, без всякого предупреждения, пролетавший над домом шальной снаряд, взорвался в воздухе. Часть крыши была разрушена и ее обломки осыпали Аарона с головы до ног.

Аарон сразу же вскочил на запасную лошадь, и мчался без остановок, не снижая скорости до тех пор, пока не добрался до старой плантации Мосби, примерно в ста пятидесяти милях от перекрестка. Целых три месяца после этого было потрачено, прежде чем его удалось уговорить вернуться в армию.

После того, как в январе 1864 года погиб мой капитан «Билли» Смит, мне очень хотелось иметь его любимую лошадь, и я купил ее у миссис Смит, но для этого мне пришлось продать трех своих, в общем, неплохих лошадей. Я никогда не жаловался

на ее цену, и никогда не жалел, что купил ее, потому что это была самая знаменитая лошадь в кавалерии Стюарта и лучшая боевая лошадь во всей армии. Мой капитан был первым сержантом отряда «Black Horse», и пока служил, ездил на своем старом Чэмпе, и все — от рядового до Стюарта, его прекрасно знали и любили.

Норман Смит был убит во время скачки на нем в одном из наших боев, в августе 1863 года, и его брат — капитан «Билли» также был убит сидящим в его седле в январе 1864-го. После окончания войны я вернул его третьему брату — капитану Тоусону Смиту, у которого он и дожил до смерти. Как-то раз, уже после войны, когда капитан захотел съездить в церковь, старика Чэмпа запрягли в экипаж и все заняли в нем свои места. Старый конь оглянулся и посмотрел на капитана таким странным, отрешенным взглядом, в котором было скорее больше печали, чем гнева, а затем в щепки разбил старую колымагу.

Однажды полковник Мосби взял меня с собой в Ричмонд, и мы остановились в штабе генерала Стюарта, в графстве Ориндж, а своих лошадей оставили у него. Его собственные лошади были в плохом состоянии, и мы предложили ему воспользоваться нашими — в бою, в котором он должен был участвовать рано утром следующего дня. После нашего возвращения из Ричмонда,

генерал попросил меня назвать свою цену за Чэмпа. Я ответил, что почел бы за честь отдать ему старого приятеля совершенно бесплатно, но генерал не согласился с таким условием, и поскольку он не позволил мне просто отдать ему лошадь, а я не позволил ему купить ее, он с большой неохотой отпустил меня обратно в Северную Вирджинию. Он сказал мне, что он никогда не получал столько удовольствия от верховой езды в бою, сколько он получил от старого Чэмпа.

Этот конь был абсолютно спокойным — даже на самом жарком участке поля боя никогда не терял самообладания, но, после того, как он был дважды ранен — в голову и бедро, он, зная, что означает звук летящих пуль, крутил головой и возможно, старался увернуться, когда слышал эти звуки совсем рядом, но он не знал, что в уклонении не было необходимости.

Мосби посылал своих людей в разных направлениях с индивидуальными разведывательными заданиями, а иногда и с приказом встретиться с ним в назначенной точке в пятидесяти или больше милях от исходного пункта. Таким образом, он следил за противником во всех направлениях, и когда в соответствии с информацией, полученной от одного из своих людей, он решал нанести удар, он либо брал собой необходимое количество людей, либо встречался с

ними в определенное время недалеко от места предполагаемого нападения, а затем, после личного уточнения ситуации на месте, приступал к делу. Он всегда старался не брать своих людей туда, откуда он не смог бы их вывести, и потому следовавшие за ним люди чувствовали себя уверенно. Его инструкции различным отрядам его Команды часто были расписаны на три дня вперед, и очень редко случалось так, что он опаздывал на место встречи. Он так хорошо знал всю зону боевых действий и был настолько высоким мастером своего дела, что сбить его с толку было невозможно. Он никогда не терял уверенности и самообладания, никогда не паниковал. Когда он собирался провести свой рейд в полночь, он испытывал весьма приятные ощущения, поскольку считал, что спящих людей легко окружить, и что проснувшемуся солдату требуется, по крайней мере, пять минут чтобы одеться и подготовиться к бою. Вот почему столько атак Мосби были запланированы на час ночи, когда большинство добрых людей находится в царстве грез. И по этой же причине, кстати, довольно часто случалось, что наши люди нападали на во много раз превосходящего их численностью противника. Мосби редко возвращался из рейда с пустыми руками. На марше он был, как правило, очень тихий и молчаливый, в одиночестве двигаясь немного впереди колонны, он, по-видимому, размышлял о

решении некоей намеченной задачи, зародыш которого уже начал формироваться в его голове. А вот на рейде, напротив, он, уже принявший окончательное решение, был самым веселым из всех нас, шутил и смеялся вместе со всеми нами, с нетерпением ожидая драки. Он посылал одного из едущих рядом с ним парней назад, в хвост колонны, чтобы тот привел Джима Синклера с рассказом о забавном случае с погонщиками мулов, или, повернувшись к другому человеку, говорил: «Сходи-ка назад и попроси капитана Билла Кеннона прийти сюда и рассказать нам хорошую басню». Капитан Билл славился тем, что даже птицы могли побросать свои гнезда ради его чудесных фантазий.

Мосби никогда ни с кем не советовался. Если ему казалось, что его идея правильная, он сразу же начинал работать над ее реализацией. Я не помню, и даже никогда не слышал, чтобы кто-нибудь спросил Мосби, куда он идет или что собирается делать. Одного молчания на подобный вопрос всегда хватало. В один прекрасный день мы встретились в Аппервилле, штат Вирджиния, где полковник сказал майору Ричардсу отвести Команду в назначенное для нее место в графстве Фэрфакс и ждать его прихода поздно ночью. Повернувшись ко мне, он сказал:

— Мансон, садись на лошадь и следуй за

мной.

Он пошел рысью. Я догнал его у Литтл-Ривер, а далее мы, то рысью, то галопом, нога к ноге, прошли двадцать миль. За все время этой поездки он ни разу не посмотрел на меня, не произнес ни одного слова. Он планировал один из тех своих сенсационных рейдов, который задолго до следующего захода солнца, поразил Вашингтон, и на многие дни сильно огорчил федеральных генералов. Я думал, что от столь долгого молчания мой язык вообще прекратит функционировать.

Наконец, мы остановились у фермерского дома. Полковник остановился и бросил: «Остановимся здесь и выпьем чашку кофе». Его мысли пришли в порядок, решение было принято, и он снова стал таким, как всегда. В этой безмолвной скачке он планировал свою победу. Не так давно, он сказал нашему общему другу из Нью-Йорка м-ру Фрэнку Пембертону, что он любил ездить в моем обществе во время войны, потому что я постоянно молчал.

Мосби поддерживал дисциплину, — которая была просто замечательная — принимая во внимание индивидуальные особенности характеров его людей и специфику службы. Молодые люди больше других раздражались от такого количества запретов, но все же он установил не только такие правила, которые никогда не были нарушены, но и

награды, которые те, кто их получали, ценили так высоко, словно их наградили Орденами Почетного легиона за победу при Аустерлице. Захваченных лошадей он в большинстве случаев распределял между теми, кто, участвуя в рейде, занимался их добычей и сохранением. Товары маркитанта, армейское снаряжение и личные вещи имелись у того, кто был достаточно храбр, чтобы рискнуть захватить все это. Ходившие в разведку в одиночку, или небольшими группами, распределяли добычу по своему усмотрению. «Добыча — собственность победителя» — вот самая приятная доктрина Мосби, но за всю войну он не взял себе ничего, кроме уздечки. Его лошади и старый чернокожий слуга, которые сопровождали его в течение всей кампании, пришли к нему из усадьбы Мосби.

Лишь один раз этот личный принцип его собственной независимости был нарушен, и это был тот случай, когда все его лошади находились в плохом состоянии, и наши люди приобрели и подарили ему великолепного боевого коня, до того принадлежавшего одному из его офицеров. Он сильно протестовал, но люди настояли на своем.

Перед рейдом наши люди всегда собирались в одном определенном месте, но для Мосби не имело никакого значения, в какие стороны они разойдутся после окончания рейда. Например, он мог приказывать тем нескольким, с кем он мог

встретиться, уведомить определенное число членов Команды, что они должны подойти либо на назначенный перекресток, либо кузницу, либо деревню. Если приходило больше людей, чем ему требовалось, он отпускал тех, кто не был ему нужен, иногда отправляя их на разведку под командой одного из офицеров, или позволял им вернуться в свои дома, а сам, забрав оставшихся, отправлялся в рейд. Когда цель рейда была достигнута, он не беспокоился о том, сколько человек ушло, или что с ними стало до тех пор, пока хватало людей, чтобы позаботиться о пленниках и лошадях и благополучно их вывести. Я вернулся с ним из одного рейда, для которого потребовалось два или три дня почти непрерывной скачки только для того, чтобы получить информацию о готовности к немедленному началу следующей операции.

В таких случаях мы должны были наспех помыться, надеть чистую одежду, взять из конюшни свежую лошадь, набить карманы несколькими дополнительными патронами, съесть чего-нибудь, если что-то было готово, и ускакать. Раньше я думал, какое же это было славное развлечение в те дни.

Каждое дело, в котором участвовал Мосби и его люди, таило в себе нечто новое, что-то романтическое, нечто такое, о чем стоит рассказать,

поэтому многие из них, в которых я лично принимал участие, или о которых мне стало известно из рассказов других людей Команды, будут упомянуты на последующих страницах. Я хотел бы рассказать о каком-нибудь личном подвиге каждого человека Команды, и описать сотни других отважных поступков, коих я был свидетелем или о которых узнал от других, но я могу только повторить то, что я когда-то услышал от Мосби, когда он писал один из своих докладов генералу Стюарту. Когда Мосби сообщил мне, что в своем отчете о состоявшейся битве он намерен упомянуть мое имя наряду с тремя или четырьмя другими, я спросил его: «А почему бы вам не сказать несколько слов о —, и —, и —, и ----?» На это он ответил мне так: «У меня нет возможности составлять списки всех участников каждого боя, Мансон».

Глава IV

ПЛЕНЕНИЕ ГЕНЕРАЛА СТОУТОНА

Единственным имеющимся у меня документом, в котором зафиксирована дата первой операции Мосби как независимого рейнджера, является его доклад генералу Стюарту от 4-го февраля 1863 г., в котором он говорит, что он прибыл в Фокир неделю назад и довольно активно

действовал, взяв в плен двадцать восемь человек, а также их лошадей и экипировку. Под докладом он подписался — «Джон С. Мосби». Генерал Стюарт сопровождал этот доклад следующим словами:

«Соответственно, направляется в качестве дополнительного доказательства доблести, храбрости и способности Мосби (не имеющего звания офицера) и двенадцати человек его группы».

На Рождество 1862 года генерал Стюарт решил совершить небольшой рейд в Дамфрис и взял с собой Мосби. Когда он уходил оттуда в Фэрфакс, он послал Мосби вперед, а после прибытия в Лаудон Мосби получил разрешение остаться там с девятью людьми из 1-го Вирджинского кавалерийского. Среди них был Фаунт Битти, который с этого дня и до окончания войны, был одним из самых известных и самых лучших людей Команды. Он был самым близким другом Мосби, поскольку они были призваны вместе, и войну тоже прошли не разлучаясь.

С девятью людьми Мосби вошел в Фэрфакс и через два дня захватил двадцать янки и их лошадей. Он доставил своих людей и пленников назад в штаб-квартиру Стюарта в Фредериксберге, и генерал был так доволен результатом этого эксперимента Мосби, что он обещал в следующий

раз отпустить его с пятнадцатью людьми. С того момента началась его настоящая партизанская карьера, поскольку он уже больше в армию не возвращался. Не все из этих пятнадцати человек были созданы для того, чтобы стать членами команды Мосби, некоторым вскоре было приказано вернуться в свой полк. Строго говоря, Мосби не имел своего собственного отряда до 10-го июня 1863 г., когда он набрал свою первую роту «А». Все, кто до сих пор поучаствовал в нескольких блестящих сражениях, были добровольцами. Он принимал всех, кто к нему приходил. Госпиталь в Миддлберге служил ему в качестве призывного пункта. Выздоровливающие — одни на костылях, другие просто забинтованные, ходили с ним в рейд, наводили ужас на янки и снова возвращались в свои кровати. Если бы преследовавшие Мосби рейдерские группы северян увидели этих несчастных, лежавших в госпитальных койках раненых мятежников, они бы и помыслить не смогли, что они — «Временные партизаны». 27-го февраля Мосби с двадцатью семью из этих новых солдат совершил один из рейдов в Фэрфаксе, и хотя пост, который он атаковал, защищали пятьдесят кавалеристов, он взял в плен пять человек и тридцать девять лошадей. Он убил их командира лейтенанта и еще троих.

Из этих первых добровольцев какое-то

количество осталось в постоянном составе отряда Мосби, они, фактически и стали «людьми Мосби», но пока не сформировалась его первая рота, он абсолютно не мог сказать, сколько человек откликнется на его призыв к общему сбору. Многие из его добровольцев были лишившиеся лошадей кавалеристы Стюарта, который пришли к Мосби, чтобы раздобыть лошадей, и после того, как им удавалось это сделать, вернулись в свои полки, и больше у Мосби не появлялись. В первые месяцы его партизанской жизни на каждом сборе всегда присутствовали новые, жаждущие боя люди, а многих из тех, с кем он более или менее сумел найти общий язык во время прошедших рейдов, уже не было.

Одним из первых его людей, о котором стоит упомянуть, был Джон Андервуд, родом из графства Фэрфакс. Двое его братьев — Сэм и Буш, присоединились к отряду позже и прослужили в нем до конца войны, но сам Джон был убит лишь через несколько месяцев после того, как стал партизаном.

Эти Андервуды знали свою страну лучше, чем днем и ночью бродящие по ней дикие животные, они были проводниками Мосби во множестве разведок и рейдов, и никогда его не подводили. Без разницы, ночью, или днем, любой из этих парней мог пройти через болото или лесную чащу графства

Фэрфакс, а что такое страх, они вообще не знали.

Был еще такой Билли Гиббс, кузнец из Лаудона, двое сыновей которого служили в регулярной армии. Но в Команде он был известен как «Майор Гиббс» — этот титул в шутку присвоил ему Мосби, который, тем не менее, очень уважал «майора» за верность, мужество и умения. Другим ранним приобретением Команды стал Дик Моран. Мосби частенько говорил, что именно эти люди стали основой его отряда и что настоящие воины появились под его знаменами только благодаря им.

О пленении генерала Стоутона как первой важной партизанской операции Мосби, здесь рассказано не только по этой причине, но и из-за непосредственной связи Мосби с этим событием. Это очень показательно. Хотя успех многих других его рейдов имел для южан такое же большое значение, как и нанесенный ими ущерб для противника, и в течение всей войны никто не смог проявить в них столько дерзости или оригинальности, ничто так не укрепило доверие, и ничто так не прославило эту небольшую Команду, как пленение этого генерала. Мне кажется, что этот подвиг принес Мосби более заслуженной известности, чем любое другое достижение какого-либо офицера или командира любой из двух армий во время войны, и потому я хочу рассказать об этом подробно, а не сухо и кратко, как в

официальном отчете.

Прилагаемый ниже воспроизведенный дословно официальный рапорт прово Соединенных Штатов, является хорошим предисловием для моей истории. Его рапорт отличается точностью нехарактерной для простого рапорта составленного при таких обстоятельствах, а то, что число наших людей преувеличено — триста вместо тридцати, не является чем-то необычным.

«ПОЛКОВНИКУ УИНДХЭМУ,
КОМАНДУЮЩЕМУ КАВАЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДОЙ.
ФЭРФАКС, ВИРДЖИНИЯ, 10 МАРТА 1863 Г.
СЭР,

В ночь на 8-е, примерно в 2 или 2.30 ночи, капитан Мосби и его люди вошли в этот город с восточной стороны, а затем они напали на моего часового в тот момент, когда тот окликнул его (ответного пароля не прозвучало). Мятежники приставили к его голове два револьвера и пригрозили вышибить из нее мозги, если он скажет хотя бы одно слово, связали ему руки, etc. Затем подошли их основные силы и захватили весь патруль — лошадей, экипировку, etc. Потом они добрались до конюшни прово, вошли в нее и увели с собой всех лошадей. Затем, подойдя к конюшне генерала Стоутона, они захватили караульного, взяли лошадей самого полковника и лошадей его помощников, затем направились к штаб-квартире полковника Уиндхэма и взяли всех лошадей и все, что можно было унести. В то же самое время остальные члены команды

капитана Мосби были посланы во все те места, где жили офицеры, подняли их из их постелей, а также телеграфистов, их помощников, etc., etc.

Они разыскали офис прово, но не обнаружив его там, пошли в госпиталь и тщательно обыскали его предлагая всем вознаграждение за информацию о нем. Прово ушел оттуда минут, наверное за десять до их появления чтобы выяснить у одного из его часовых, не нашел ли он лошадей или их похитителей. Другая группа из десяти человек направилась к квартире генерала Стоутона, желая взять в плен его, а также одного из его помощников по имени Прентисс, которому впоследствии удалось сбежать из плена. Далее они вошли в штаб-квартиру полковника Уиндхэма и арестовали капитана Баркера из 5-го Нью-Йоркского кавалерийского, а также барона Варднера. В то же время еще один отряд мятежников вошел в резиденцию полковника Джонстона и в процессе его поиска прошелся по всему его дому. Он же услышав шум при их въезде, и приняв их за патруль, вышел, чтобы остановить, но вскоре понял, что он ошибся. Он, в одной ночной рубашке, снова вошел в дом и вышел из него через заднюю дверь, а они преследовали его. Ему, тем не менее, удалось спрятаться в сарае, буквально за несколько секунд до того, как в него вошло три человека. Есть предположение, что они вошли в наше расположение между Фрайинг-Пан и станцией Херндон, и, идя по диагонали, они дошли до нижнего края города. Покидая его, они прошли мимо конюшни полковника Уиндхэма (юго-запад) и продолжали следовать в

сторону Сентервилля, по пути перерезая телеграфные провода. Свидетели происшедшего сообщили мне, что их было около трехсот человек.

С уважением имею честь оставаться,
Вашим покорным слугой,
Д. Л. О'КОННОР
ЛЕЙТЕНАНТ, ПРОВО.»

Ниже приведены некоторые детали этого дела, и я обязан за них рапорту Мосби, составленному им для генерала Стюарта, его личному рассказу о нем, написанному много лет назад для публикации, а также воспоминаниям нашей Команды, которые являются бесценным достоянием всех ее участников.

Мосби начал свою партизанскую деятельность в начале февраля 1863 года, с пятнадцатью людьми не являющихся членами его Команды, ибо у него еще не было Команды. Они принадлежали своему 1-му Вирджинскому кавалерийскому, и были предоставлены ему генералом Стюартом. На двадцать пятый день месяца, дезертир из 5-го Нью-Йоркского кавалерийского, стоявшего тогда недалеко от Фэрфакса, по имени Эймс, пришел, желая присоединиться к Мосби. На него никто не обратил внимания — лишь Уолтер Фрэнкленд, у которого не было коня, и который присоединился к Мосби на

несколько дней раньше. Эймс сказал Фрэнкленду, что он может отвести его в его лагерь у Джермантауна, и взять там лошадей. Таким образом, они вышли пешком двадцать восьмого, и в ночь — около полуночи — на первое марта прибыли на место. Они вошли в лагерь, поговорили с часовыми, в их присутствии оседлали двух лучших лошадей и затем благополучно вернулись обратно. Спустя неделю после этого, Мосби взял свою маленькую — всего лишь из двадцати девяти человек — Команду, Эймса в качестве проводника, и из Олди, графство Лаудон, отправился в лагерь у Фэрфакса. Читателю, наверное, будет трудно поверить, что после первой же встречи с перебежчиком Эймсом Мосби доверился ему и сделал так, что тот пошел сам и повел его самого с его маленьким отрядом в самую пасть врага, не сообщив о своем намерении своему командованию, в общем, никому, кроме Эймса. Я уже говорил об умении Мосби правильно оценивать людей и его таланте принимать безошибочные решения в критические моменты. Доказательство тому — этот случай с Эймсом, ибо он оказался достойным доверия Мосби, и стал одним из самых лучших воинов нашей Команды. Впоследствии за храбрость и доблесть его повысили до лейтенанта, а потом он погиб в рукопашном бою.

В то время, когда появился Эймс, Мосби уже

решил сделать рейд на Фэрфакс, он собирал информацию, чтобы подтвердить реальность выполнения этой задачи, и Эймс подтвердил ее. Это произошло лишь через месяц после того, как Мосби начал свою партизанскую карьеру, и он совершил лишь несколько пробных вылазок на территорию врага. Здесь задача была посерьезнее. В Фэрфаксе находилось несколько тысяч солдат — и внутри, и вокруг — пехоты, кавалерии и артиллерии. В Сентервилле, в нескольких милях оттуда, стояла бригада смешанных войск с тяжелой артиллерией. Еще одна кавалерийская бригада патрулировала окрестности. Ближайшая железная дорога была под усиленной охраной, и кавалерийские патрули действовали на много миль вокруг, аж до самого Потомака. Огромное количество солдат у каждого штаба. Имелось только одно слабое место во всей линии форпостов, и оно было самым слабым на всей этой линии. Ни один человек не смог бы пройти через эту линию днем и при этом не быть замеченным сотнями солдат Союза.

Мосби знал это слабое место, и после полуночи, когда сгустилась такая тьма, что едва можно рассмотреть идущего впереди человека, повел через него своих двадцать девять человек. Но только тогда, когда он очутился за кордонами и в непосредственной близости от офицерских штаб-квартир, он сказал своим людям, что он

собирается делать и куда идти.

В то время люди уже безоговорочно верили в своего лидера, эта вера прожила в них до конца войны, а во мне живет и поныне. Недалеко от главного штаба он объяснил ситуацию одному из своих людей, Хантеру, и намекнул о том, что опасность существует серьезная. Маленькая группа въехала в город и остановилась на главной площади. Несколько часовых пытались поднять тревогу, но были быстро успокоены, но люди и тогда еще знали, каков план и где они находятся.

Отряд был разделен на небольшие группы, каждая имела свое задание. Одни пошли в конюшни за лучшими лошадьми, другие — в офицерские квартиры, чтобы захватить их, и каждая группа получила приказ после выполнения задачи вернуться на площадь. Генерал Стоутон и полковник Уиндхэм — командующий кавалерией — были основными целями Мосби. В течение нескольких недель Мосби терроризировал войска янки у Фэрфакса, и за это время получил от Уиндхэма несколько дерзких посланий. Мосби жаждал вытащить его из его собственной постели, но полковник минувшим днем поездом отправился в Вашингтон, так что Мосби не смог встретиться с ним. Когда Эймс с несколькими парнями отправился на квартиру Уиндхэма и обнаружил, что птица улетела, они взяли из квартиры все ценные

вещи и всех лучших лошадей из его конюшни. Но высшей удачей Эймса было пленение им его бывшего капитана Баркера из 5-го Нью-Йоркского. Можно только догадываться, какие чувства при этом испытывал это дезертир, но он с большим уважением и почтением отнесся к своему бывшему командиру, и получил особое удовольствие, представляя его Мосби.

В то время как люди Мосби были рассеяны по всему городу, выполняя назначенные им задания, сам Мосби и еще несколько человек нашли квартиру Стоутона и постучали в дверь. Им открыл офицер, лейтенант Прентисс, *en déshabillé*⁵. Мосби нежно взял его за шиворот и шепотом приказал проводить его к Стоутону. Войдя в комнату генерала, он обнаружил, что тот спит, но поскольку времени было в обрез, Мосби бесцеремонно разбудил его шлепком по его голой заднице. Генерал, конечно, должным образом ужаснулся от такой бесцеремонности, и когда его спросили, слышал ли он когда-нибудь о Мосби, быстро ответил:

— Конечно, слышал. Вы что, наконец-то схватили его?

⁵ *En déshabillé* (франц.) — в нижнем белье, ночной рубашке. — Прим. перев.

— Нет, но зато он захватил вас, — так ответил Мосби.

Потом генерала заставили быстро одеться, и вместе с его помощником, лейтенантом Прентиссом, быстро свели по лестнице вниз и вывели на улицу, где ждали двое наших, которые между делом взяли в плен еще семерых вместе с их лошадьми. Хантер получил специальные указания касательно охраны генерала от возможных неприятностей, а затем все они отправились на главную площадь — место сбора всей Команды.

Все группы прекрасно справились со своими задачами, и Мосби начал отход, уводя с собой около сотни пленников и лошадей. Воспользовавшись темнотой некоторые из захваченных сбежали. Во время движения через жилой квартал наши люди были остановлены прозвучавшим из окна строгим и командным голосом, спрашивавшим, кто они. Двое наших людей — Джо Нельсон и Уэлт Хэтчер, ринулись в дом, чтобы схватить этого человека, но тот в одной ночной рубашке бежал через заднюю дверь. Это был подполковник Джонстон из 5-го Нью-Йоркского, и потом мы узнали, что он спрятался в подвале садового домика. Утром он собрал своих людей и кинулся в погоню за Мосби, но пошел не в ту сторону.

Теперь основной задачей Мосби было

безопасно вывести людей. Он всегда заранее продумывал план отступления после окончания рейда. Располагавшиеся в городе войска уже знали о его визите, но каждый солдат думал только о себе, и потому никаких коллективных действий принято не было. Чтобы запутать преследователей, Мосби сперва направился к станции Фэрфакс, а потом внезапно свернул к Сентервиллю. Прохождение через этот участок очень много значило для него. Стволы тяжелых пушек находились лишь в нескольких сотнях футов, часовые кричали «Кто идет?», требуя, чтобы он остановился, но он не ответил на их оклики. В полном молчании отряд с захваченными пленниками миновал ряд тяжелых пушек и исчез в темноте. Капитан Баркер попытался сбежать, но один из наших выстрелил в него, так что после того, как его лошадь упала в кювет, капитан был повторно взят в плен.

Еще одна серьезная опасность подстерегала Мосби. Река Куб-Ран, как раз за Сентервиллем, была в тот момент переполнена. Позади находился город со множеством врагов, которые если еще не подняли тревогу, так наверняка скоро бы это сделали, а впереди — бурная река. Без всяких колебаний все погрузились в этот безумный поток. Плавать умели все, хотя река и унесла некоторых. Оказавшись на том берегу уже при восходе солнца, и понимая, что группа благополучно ушла от

возможного преследования, Мосби вздохнул с облегчением. Даже в тот час он знал, что он уже вписал свое имя в историю, и оно навсегда останется в ней. Он совершил еще один подвиг — нечто совершенно новое за всю войну, и никто не сможет этого повторить. Через некоторое время он пришел в Калпепер и передал пленников генералу Фитцхью Ли, который был одноклассником Стоутона в Вест-Пойнте.

Что касается федералов, то результатом этой блестящей операции Мосби стала досрочная отставка Стоутона. Его репутация погибла. Не может генерал быть взятым в плен в одной ночной рубашке. Полковник Перси Уиндхэм был освобожден от должности, а его преемник, не сумевший уничтожить Мосби, тоже вскоре был смещен. Полковник Джонстон покинул армию. С другой стороны, генерал Стюарт издал следующий приказ, и месяц спустя Мосби был повышен до майора.

«ПРИКАЗ

Капитан Джон С. Мосби уже давно привлек к себе внимание своих командиров своей смелостью, умениями и успешными рейдами против захватчиков его родного штата.

Никто не может оценить его смелость, предприимчивость и героизм лучше, чем эти подлые захватчики, хотя сами они лишены столь благородных

черт.

Его последний блестящий подвиг — пленение генерала США Стоутона, двух капитанов, еще тридцати человек, вместе с их оружием, экипировкой и пятидесяти восемью лошадьми, оправдывает это признание в данном Приказе. Этот не имеющий аналогов в войне подвиг был совершен в самой гуще войск неприятеля в Фэрфаксе, и без всяких потерь.

Доблестная группа капитана Мосби снискала себе великую славу за успешное завершение этого опасного предприятия, и совершенно достойна такого лидера.

ДЖ. Э. Б. СТЮАРТ,
БРИГАДНЫЙ ГЕНЕРАЛ.»

Битва при Шантильи, состоявшаяся 23-го, то есть едва лишь две недели спустя, когда у Мосби не было еще постоянного состава — только приходящие и уходящие добровольцы — прошла так, словно его отряд состоял из закаленных ветеранов. Он собрал около пятидесяти из них и отправился в графство Фэрфакс, чтобы «чего-нибудь там натворить». Его предыдущие рейды так взбудоражили лагерь в той части штата, что все их внимание переключилось только на него. Он попытался пройти через их кордоны в их тыл, чтобы нанести неожиданный удар, но они были очень бдительны. Его люди рвались в бой, но еще больше им хотелось захватить как можно больше лошадей. В те дни воевавших под знаменем Мосби

людей всегда привлекала возможность захватить побольше материальных ценностей.

«Грабеж — солдату, моряку — награда,
А мщенье — сердцу женскому отрада.»^б

Вместо того чтобы разочаровать своих людей, просто так вернувшись домой, он решил попытаться выманить противника за линию пикетов и убедить их вступить в бой. Он выставил несколько человек в их поле зрения, и хитрость удалась. Они атаковали патрули, те немедленно поскакали обратно к своим постам, при этом потеряв нескольких человек убитыми и пленными. На шум боя вышли резервы, и Мосби поспешил отвести своих людей, чтобы предотвратить окружение, потому что он знал, что их подкрепления скоро приблизятся. Он скакал рысью, а за ним гнался 5-й Нью-Йоркский. Остановившись в небольшой роще, он развернул людей лицом к преследователям. Как только они вошли в поле их зрения, он приказал атаковать их и люди кинулись вперед. Изумленные и ошеломленные, те развернулись и, галопом отступая на свои посты,

^б Джордж Байрон. Дон Жуан. Песнь I. Стих. 124. Перевод Т. Гнедич. — Прим. перев.

врезались в свои же дополнительные подкрепления, которые, в свою очередь, также отступили. Это был бессмысленный и непростительный разгром, ибо их было вчетверо больше, чем людей Мосби.

Его люди никогда не ставили под сомнение безопасность или опасность рейда: Мосби приказывал им действовать в атакующей манере, и этого было вполне достаточно, поскольку они видели успех каждого дела, в котором они участвовали, и полагали, что он не мог принять ошибочного решения. Он никогда не стоял на месте, всегда атаковал. Его люди несколько миль преследовали убегающего противника, оставившего на дороге множество убитых и раненых. И кроме того, в плен было взято тридцать шесть человек и захвачено пятьдесят лошадей. Люди Мосби были счастливы, ведь каждому досталось по лошади, а Мосби был счастливей всех членов своего небольшого отряда, поскольку все вели себя прекрасно и никто не погиб. «Майор» Гиббс был просто вне себя от радости, и чтобы еще больше усилить его чувства, Мосби открыто провозгласил его «героем дня» и наградил его прекрасной лошадью. Тот попеременно, то смеялся, то плакал, и, наконец, он сказал: «Да, капитан, я знал, что работа должна была быть сделана, и только таким образом ее можно было завершить».

Когда о результатах этой битвы было

сообщено Стюарту, он отправил обратно такой ответ:

«ШТАБ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ,
АРМИЯ СЕВЕРНОЙ ВИРДЖИНИИ, 27 МАРТА
1863 Г.

КАПИТАНУ ДЖОНУ С. МОСБИ, КОМАНДИРУ,
etc.

КАПИТАН,

Ваша телеграмма, в которой сообщалось о вашей блестящей победе у Шантильи, должным образом получена и направлена генералу Ли. Прочитав ее, он воскликнул: «Да здравствует Мосби! Хотел бы я иметь сотню таких как он!» Сердечно желаю вам дальнейших успехов,

Ваш покорный слуга,

ДЖ. Э. Б. СТЮАРТ,

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР, КОМАНДУЮЩИЙ».

Никто так не гордился успехами Мосби, как генерал Стюарт. Лишь двумя месяцами ранее, ради опасного эксперимента, Мосби с горсткой людей покинул штаб-квартиру. Теперь он был капитаном и доказавшим свою успешность лидером. Стюарт всячески помогал ему развиваться далее уже как партизану-рейджеру.

Глава V

СРАЖЕНИЕ У МИСКЕЛЬ-ФАРМ

Захват генерала Стоутона на таком раннем этапе партизанской карьеры Мосби еще больше возбудил желание народа услышать о его новых достижениях, и когда, спустя три недели, они узнали о его сражении у Мискелль-Фарм, восторгу людей просто не было предела. Как и дело Стоутона, оно больше не повторилось, ибо он впредь никогда больше не допускал возможности его повторения. Эта битва случилась 1-го апреля 1863 года, что весьма здорово, поскольку она стала прекрасной печальной первоапрельской шуткой для тех, кто в этот день намеревался поймать Мосби.

Накануне того дня Мосби, в то время капитан, проводя со своими людьми разведку на территориях графств Фэрфакс и Лаудон, прибыл на ферму Мискелля, что недалеко от Дрейнсвилля, в десять часов вечера, усталый, голодный и совершенно истощенный. Те, кому повезло найти еду, поужинали, лошади были расседланы и помещены в амбар и другие близлежащие загоны. Люди попадали в сено, как внутри амбара, так и под внешним навесом, и тотчас заснули. Ни на одной лошади не было ни седла, ни уздечки, и о боевых действиях никто даже не помышлял.

Рано утром следующего дня некоторые из наших заметили переправлявшиеся через Потомак федеральные войска и сигналами сообщили об этом

Мосби. Странно, конечно, что Команда, обычно всегда готовая ко всему, не была готова к принятию этого сообщения, но вот, что верно, так это то, что, прежде чем Мосби смог высказать свое мнение касательно этих сигналов, Дик Моран — один из наших людей, который ночевал по соседству у наших друзей, и который частенько действовал самостоятельно и несколько безрассудно, влетел на фермерский двор с воплем: «Все по коням, янки идут!»

Крик Морана заставил проснуться всех тех, кто еще спал. Но прежде чем они смогли подняться или вскочить в седло — а на самом деле, большинство из них с большим трудом с трудом только подняли свои усталые головы — две сотни из 1-го Вермонтского кавалерийского, руководимого капитаном Флинтсом, ворвались через главные ворота фермы и, окружив двор, на котором стоял амбар, открыли шквальный огонь по Мосби и его людям. Казалось, партизанам пришел конец. Ни до, ни после этого, у федеральных войск не было такой возможности захватить Мосби и уничтожить его людей. Их было втрое, а может, и более раз больше, и они загнали его в идеальную западную, самую идеальную из всех возможных. Звуки первых выстрелов выгнали всех, кто ночевал в сарае наружу — они хотели узнать, что происходит.

Посреди двора стоял Мосби: от колытов в его

руках шел дымок. Собравшимся вокруг него людям он приказал оседлать лошадей и — «Атаковать их, сломить их и убить их». Движением своей руки он показывал, что его не заботит, где будет происходить сражение, он только хотел, чтобы его люди находились там, где он мог командовать ими. Он не пытался подсчитать численность солдат противника — он не думал об этом, он знал одно — он и его люди были в ловушке, и он не мог допустить, чтобы их убивали как овец на скотобойне, пока у них есть боеприпасы. Никакие мысли — ни о численном неравенстве, ни о, возможно, безнадежности ситуации, никак не повлияли на стремительность действий маленького отряда. Они знали только одно слово: «Сражаться». В следующее мгновение Мосби был уже в седле. Гарри Хэтчер, увидев его пешим, отказался от своей лошади и настоял на том, чтобы он взял ее. И этот призыв Мосби, которому никто еще смог полностью отдать должное, воспарил на крыльях этого незабываемого утра.

Под бешеным огнем вермонтцев большинство наших оседлали и взнуздали своих лошадей, а затем ринулись на солдат капитана Флинта. Словно горная лавина, партизаны и Мосби бросились через ворота в самую гущу врагов, их револьверы сеяли смерть. Казалось, с каждым выстрелом погибал один янки — так быстро они падали. В панике,

последовавшей за неожиданной и дерзкой контратакой Мосби, люди Флинта отступили к внешним въездным воротам и застряли там. К этому моменту уже большинство людей Мосби сидело на лошадях — уничтожающим, смертоносным огнем они поливали дерущихся и все проклинающих солдат, сгрудившихся в воротах. Когда же их удалось открыть, Флинт доблестно попытался сплотить своих солдат, но упал смертельно раненный — в него всадили шесть пуль — должное вознаграждение его мужества, а также одна из особенностей тактики Мосби — всегда стараться убить командира.

Ничто не могло теперь привести в порядок остатки охваченных паникой солдат неприятельского отряда — это был полный разгром. Одних Мосби преследовал еще несколько миль, а другие разбежались в разные стороны. По всем правилам войны, Флинт, у которого было втрое больше людей, чем у Мосби, и которому удалось напасть на него совершенно неожиданно, просто обязан был полностью его уничтожить. Рейнджеры находились в замкнутом, имеющем только один выход пространстве, ни у кого, за исключением Дика Морана не было оседланной лошади, и к тому же большинство из них спали. Несмотря на это, одно предложение резюмирует рапорт Мосби — рапорт о чуде:

«Наши потери — четверо раненых, один из которых позже скончался.»

Описание потерь противника заняло больше места в докладе противника, и выглядит так:

«Десять человек убито и пятнадцать смертельно или опасно раненых оставлены на поле. Восемьдесят четыре человека взяты в плен, уведено сто лошадей. Среди взятых в плен есть раненые.»

Уильям Г. Чэпмен, который впоследствии стал подполковником нашего батальона и вторым после Мосби, был добровольцем в тот день. Он держал экзамен на капитана артиллерии и служил в нашем отряде как новобранец. Он был одним из первых, кто вступил в бой, хотя должен был сначала поспешить в амбар и оседлать свою лошадь. Через щели в стене амбара он мог видеть окруживших нас янки, и хотя ему очень хотелось свалить хотя бы одного из них, он полагал, что люди Мосби храбро пойдут в бой, и потому, естественно, сел на лошадь и выехал из амбара вместе с другими, и затем прорвался через ворота, которые придерживал, так чтобы они оставались открытыми, Джон Фаррар, который был без лошади.

Он оказался в центре боя, и тотчас же столкнулся со своим первым противником. Между их револьверами было не более фута. Револьвер янки вздрогнул, но его собрат в руках Чэпмена уже совершил свою смертельную работу. Он выстрелил шесть раз и освободил пять седел.

Однажды я попросил его рассказать мне об этой схватке. Но поскольку он не мог о себе ничего рассказать, мне пришлось спросить у других. Тем не менее, объясняя ужасную ошибку Флинта и его несчастных людей, он сказал, что наши люди хорошо выспались на мягком и благоуханном сене, в то время как Флинт, продуваемый холодным ветром, всю ночь шел к ферме Мискелля из Дрейнсвилля — настолько пронизывающим ветром, что лишь немногие из его людей были в состоянии пользоваться револьверами. Чэпмена можно было бы называть «Мистер Милосердие». Вполне возможно, что наши люди тоже к утру, когда появился Флинт, очень промерзли, и если холодной ночи не удалось их одолеть, то вида множества синих мундиров вокруг фермы, было бы.

Сэм Чэпмен, брат Уильяма Г., стал еще одним героем битвы при Мискелль-Фарм. Я не могу удержаться, чтобы не привести здесь выписку о нем, сделанную пером полковника Мосби:

«Со мной в тот день был молодой артиллерийский офицер, Сэмюэль Ф. Чэпмен, который, по первому зову своего государства взял в руки оружие, оставил изучение богословия и стал, как «Каменная Стена» Джексон, своего рода военным Кальвином, распеваящим псалмы Давида, идя в бой. Я должен признаться, что как солдат, он был более похож на иудейского пророка, чем на апостола или Предтечу, в которого он так истово верил. Еще до ворот Сэм уже израсходовал заряды обоих своих револьверов, и потому выхватил саблю. Как пламенный ковенантер⁷, держал он свой путь, и ряды противника редели перед ним. Он шел непосредственно передо мной. И вообще, в бою он шел впереди всех. Не было вины кавалерии Союза в том, что они не так быстро достигли ворот, но Сэму казалось, что это было именно так. Даже в этот весьма

⁷ Ковенантеры (англ. Covenanters) — сторонники «Национального ковенанта» 1638 года, манифеста шотландского национального движения в защиту пресвитерианской церкви. Движение ковенантеров быстро приобрело общешотландский характер, а в политическом отношении стало носителем идеи ограничения королевской власти. Ковенантеры являлись правящей партией в Шотландии в период 1639–1652 годов и противостояли роялистам. Позднее радикальная часть ковенантеров сотрудничала с режимом Оливера Кромвеля (1652–1660), а во времена Реставрации (1660–1688) ковенантеры находились в оппозиции правительству и жестоко страдали от преследований. — Прим. перев.

критический момент в моей жизни, когда я еще совсем недавно находился на грани полного разгрома, и едва спасся, я не мог не рассмеяться. Чтобы придать мощи своим ударам, Сэм просто стоял в стременах и наносил их направо и налево со всем богословским пылом Бёрли Бальфура⁸. За это я присвоил ему звание капитана.»

На следующий день Соединенные Штаты отправили в Мискелль-Фарм войска, чтобы похоронить мертвых и собрать раненых. На месте был поставлен полевой госпиталь, чтобы позаботиться о тех, кого нельзя было перевозить. Главный хирург госпиталя сообщил в Вашингтон, что среди тех, кто спасся, большинство получили ранения.

Генерал-майор Джулиус Стахел, США, командующий кавалерийской дивизией, в рапорте об этой битве генерал-майору Хейнцельману, писал следующее:

«Капитан Флинт провел своих людей через ворота, и они дали залп по Мосби и его людям, однако потери оказались незначительными. Затем он приказал

⁸ Точнее, Бальфура из Бёрли. Лорды Бальфуры — древняя шотландская дворянская семья (с 1607 г.) Члены этой семьи принимали активное участие во всех событиях политической жизни Шотландии. — Прим. перев.

рубить их саблями, что тоже оказалось неэффективно. Мосби дождался, пока его люди не подойдут к ограде, а затем открыл по ним огонь. В панике они опрометчиво побежали к въездным воротам, через которые надеялись сбежать. Однако полностью открыть их не удалось, и там образовался затор.

Пока у ворот разгоралась страшная суматоха, люди Мосби атаковали их шквальным огнем. Я с сожалением обязан сообщить Главнокомандующему, что посланные майором Таггартом войска упустили такую хорошую возможность схватить этого мятежника. Это можно объяснить только бездарным командованием и трусостью солдат. Я приказал полковнику Прайсу провести тщательное расследование этого дела, и по окончании рекомендовать к отставке виновных в этом провале офицеров».

Мосби доложил о результатах этой битвы генералам Ли и Стюарту, и генерал Ли издал следующий приказ:

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, ПРЕЗИДЕНТУ
ДЭВИСУ,

ПРЕЗИДЕНТУ КОНФЕДЕРАТИВНЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ, 4 АПРЕЛЯ, 1863 г.

М-Р. ПРЕЗИДЕНТ,

Майор Джон С. Мосби сообщил, что рано утром 1-го числа текущего месяца, недалеко от Дрейнсвилля он подвергся нападению примерно двухсот конников Вермонтского кавалерийского. Он быстро отразил их

атаку, оставив на поле двадцать пять убитых и раненых, в том числе трех офицеров, и взяв в плен восемьдесят два человека, каждого со своей лошадью, оружием и боеприпасами. Его силы составляли шестьдесят четыре человека, из которых четверо были ранены. Я имел большое удовольствие послать майору Мосби обратного курьера с сообщением о присвоении ему звания майора партизан-рейнджеров, за что очень благодарен Вашему Превосходительству.

Остаюсь с уважением,
Ваш покорный слуга,
Р. Э. ЛИ, ГЕНЕРАЛ.»

В то время, когда произошло это сражение, Мосби менее двух месяцев занимался партизанской деятельностью, но он наглядно продемонстрировал своим генералам, что он был самым подходящим человеком для этой своеобразной работы.

Два таких крупных успеха, как пленение Стоутона и победа у Мискелль-Фарм, с горсткой недавно пришедших к нему людей, и с разницей всего лишь три недели, закрепили его образ феноменального лидера, человека невероятно харизматичного, способного привлекать к себе таких же способных соратников и помощников в его уникальной боевой деятельности, и передавать эту свою силу им сразу же после того, как они попадали под его чары.

Я даже не могу представить себе, что

кто-нибудь из самых знаменитых генералов или полковников любой армии мира смог бы с горсткой людей успешно справиться с этими делами.

Они оба стали классическими примерами партизанской войны, хотя и совершенно разными сами по себе, а люди Мосби, вдохновленные своими победами удвоили свои силы, и в течение двух последующих лет вошли в историю, которую до сих пор помнят и будут помнить, в то время как рассказы о больших сражениях, отступлениях и победах уже забыты. Полков, дивизий и бригад много, а такая команда, как «Команда Мосби» — была лишь одна.

В официальном рапорте о сражении у Мискелля федеральный офицер писал: «Лейтенант Граут смертельно ранен; умрет завтра.» Но лейтенант Граут не умер. В 1896 году, из-за этого ранения, он был выдвинут в качестве кандидата от Республиканской партии на пост губернатора штата Вермонт. В дни торжественного вступления в должность президента Мак-Кинли, полковник Мосби узнал из газет, что губернатор Граут, его семья и его штаб находятся в отеле «Arlington». Сэм Чэпмен, который сыграл такую значительную роль в битве у Мискелля, был тогда в Вашингтоне вместе с полковником Мосби. Губернатор Граут пригласил их обоих в «Arlington», и после того, как они отправили свои визитные карточки Грауту,